Акмая-инджи

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025
Акмая-инджи Акмая-инджи

Верблюды вызывают к себе неизменный интерес. При этом не важно, встречался ли с ними человек раньше или впервые увидел их. Встреча с верблюдами из окна автомобиля или поезда, на пастбищах или в ауле всегда сопровождается веселыми восклицаниями, похожими на удивленно радостные приветствия давних знакомых.
На свете немало экзотических животных. Но в зоопарках мира почему-то больше всего посетителей у вольеров гордых покорителей пустынь и прокладывателей Великого Шелкового пути, под знаком которого проходит в нашей стране нынешний год. Ребятишек с мамами и папами не оторвать от металлических сеток, за которыми свысока поглядывают на них невозмутимые корабли пустыни.
Видимо, помимо внешнего вида, есть в верблюдах что-то необъяснимо близкое людям, что привлекает их внимание к этим колоритным животным. Благодаря особенностям их характера и поведенческому стереотипу на заре человечества было создано единое поле мирохозяйственных связей, облагородивших развитие и изменивших ход мировой цивилизации.
Возможно, в тонкой натуре верблюдов кроется тайна чуткого взаимодействия людей и уникальных животных, их внутреннего расположения друг к другу на протяжении тысячелетий…
Об этом мой рассказ.
В далёком 1946 году на свадьбе моих родителей, Сары и Аннасолтан, отец жениха, Кульнияз-ага, подарил молодоженам белую полугодовалую верблюдицу. Она родилась от бугра – двугорбого верблюда бактриана и арваны – самки одногорбого верблюда дромадера.
Это был дорогой свадебный подарок – инджи. У туркмен верблюдиц такой породы называют «мая». Особенно ценятся встречающиеся среди них одна на тысячу белые верблюдицы – акмаи. С ними

связаны многочисленные сказки, притчи и легенды нашего народа, повествующие об их необыкновенных достоинствах и способностях, в том числе быть оберегом, приносящим удачу, счастье и любовь тем, кого они полюбят. Об этом часто рассказывала своим внукам наша бабушка Оразбике-эдже. Именно такую верблюдицу подарил своему сыну и его жене Кульнияз-ага. По редкости таких созданий на земле, белого верблюжонка назвали просто – Акмая.

Под вечер, после тоя, молодожены присели на скамейку под раскидистым урюком, густо усеянным нежно-розовыми цветами и первыми зелеными листочками. В то время в Казанджике (Берекете) дворов почти не было, и он больше напоминал большой аул, чем город. Глинобитная мазанка, в которой родился и вырос мой отец, стояла на пологой возвышенности. С неё хорошо просматривались локомотивное депо, где работал отец, железная дорога и город, лежащий, как на ладони. В небольшой лощине, на краю которой стоял отцовский дом, дедушка Кульнияз разбил грядки с овощами и бахчевыми. Огород уже покрылся густыми побегами огурцов, дынь, арбузов и тыкв. Оттуда пахло завязью помидоров и цветами подсолнухов. Свой «меллек» Кульнияз-ага поливал отработанной водой, сбрасываемой из депо по арыку в лощину.

Молодые сердца были полны весны. Рядом с ними ворковали пестрые персидские голуби, и беззаботно дремал домашний сторож – алабай Куруш, положив лапы в остывшую золу костра. Со степи тянуло свежей прохладой, душистым запахом трав. С горных пастбищ доносился лай пастушьих собак, слышалось блеянье объягнившихся овец и коз.

Жизнь шла своим обычным кругом. В прозрачном небе выступили первые звёзды, засиявшие вскоре ярким огнём. Они горели и трепетали, разбрасывая по темному небу серебряные нити. А молодожены смотрели на Акмаю, лежавшую на камышовой циновке. Верблюжонок тоже смотрел на звезды, грациозно подняв голову с пышной челкой на лбу и гривастым хохолком на затылке. Сары и Аннасолтан любовались большеглазой любимицей с двумя рядами закрученных ресниц.

Через два года Акмая превратилась в статную, белоснежную, без единого пятнышка на шерсти верблюдицу. Она всем сердцем

привязалось к своим хозяевам, которые в ответ холили и оберегали свою кормилицу. И это не преувеличение. Через каждые два года Акмая приносила здоровых желто-бурых верблюжат, в основном верблюдиц, которые вызывали восхищение во всей округе. Моя мама, Аннасолтан-эдже, ежегодно доила минимум две-три верблюдицы, дававшие каждая от двух до четырех тысяч литров в год.

Но ничто не могло сравниться по вкусности с молоком Акмаи. Её белокипенное молоко обладало целебными свойствами, излечивало людей от многих недугов. От желающих выпить чал Акмаи – густой питательный напиток из перебродившего верблюжьего молока – не было отбоя. Им угощали бесплатно, потому что продавать верблюжье молоко и, в особенности, от белых верблюдиц, считается у туркмен плохой приметой, приносящей хозяевам несчастье.

Высоко ценилась белая шерсть Акмаи. Свитера, пояса, шарфы, платки и другие изделия из неё, оказывали лечебно-профилактическое действие, а скатерти-сачаки для завертывания чуреков долгое время сохраняли тепло и свежесть тамдырного хлеба.

Акмая была постоянной участницей свадебных церемоний. Она шла впереди гелналыжи – роскошных кортежей женихов и невест и была хорошо узнаваема по всему Казанджикскому району (этрапу Берекет). В дни больших семейных торжеств, национальных и государственных праздников Акмая оставляла далеко позади своих соперниц и соперников по верховой езде и завоевывала на верблюжьих скачках ценные призы. Её никогда не заставляли перевозить вьюки и выполнять упряжные работы. Лишь изредка, когда возникала в том надобность, отец ездил на ней навестить родственников в близлежащих аулах. Акмая понимала отца с полуслова и была необыкновенно предана ему. В свою очередь и отец относился к верблюдице как к счастливому талисману семьи.

Родители мои никогда не оставляли Акмаю без присмотра. Во время периода вскармливания она стояла в домашнем загоне или бродила рядом с домом, приучая очередного верблюжонка к естественным растительным кормам. Весной и осенью горожане нанимали для верблюжьего стада пастуха – сарвана и отправляли

с ним верблюдов на пастбища. Уходила с ними на вольные хлеба и Акмая.

Как-то раз Тиркеш-сарван пригнал стадо в город и, передавая Акмаю с новорожденным верблюжонком, рассказал отцу небывалую историю. Вечером жерёбая Акмая, будучи на последних днях беременности, отбилась от стада. Утром Тиркеш поднялся на высокий горный останец, и зоркий взгляд его наткнулся на Акмаю с верблюжонком в межбарханных складках. Сарван с неосознанным вполне беспокойством поспешил к верблюдице. Тревожное предчувствие не обмануло его. Рядом с Акмаей Тиркеш увидел растоптанного волка с переломанным хребтом. Он не стал выяснять, попал ли серый разбойник в пасть разъярённой верблюдицы или под её сокрушительные пинки. Опасаясь, что волк может быть не один, Тиркеш поспешил вывести Акмаю с верблюжонком к стаду под защиту пастушьих собак. С этого момента Акмая стала живой легендой Берекетского этрапа.

Отец мой был набожным человеком, но, как принято у туркмен, не демонстрировал этого. Чаще всего он уходил к ближним сопкам и там, расстелив молитвенный коврик, читал под куполом неба намаз. Нередко его сопровождала Акмая. Во время урочных молитв она, вытянув шею, лежала поодаль, подогнув под себя ноги. Ветер трепал её белоснежный хохолок, делавшей Акмаю похожей на большую сказочную птицу Сирин. В эти минуты вспоминалось, что слово «верблюд» в переводе с арабского – «красота».

Однажды сарван через своих знакомых передал отцу просьбу забрать из стада ожеребившуюся Акмаю. Верблюды паслись в окрестностях села Бургун. До него от города Берекет около ста километров. Путь к пастбищам через пески втрое короче, но отец не стал рисковать. Рассчитывая быстро управиться, он нанял грузовик и отправился в Бургун по частью асфальтированной, частью грунтовой дороге. Взбугрившаяся после дождя трасса, в выбоинах и рытвинах, походила на бесконечную стиральную доску. Опасаясь, как бы ни растрясло животных на обратной дороге, отец, отыскав пастбище, отпустил шофера, решив перегнать Акмаю с верблюжонком домой коротким путём.

День выдался не по-весеннему жарким. Верблюжонок капризничал, часто ложился на землю. Акмая, пережив родовой стресс,

порывалась повернуть назад к пастбищу. Пришлось надеть на неё недоуздок и вести в поводу, понукая верблюжонка бежать рядом.
Солнце стояло в зените, когда отец вспомнил, что забыл кепку в кабине шофера. Он обвязал голову рубашкой, накинул на плечи куртку и продолжал идти вперёд. В горле начало першить — последний глоток из солдатской алюминиевой фляжки он выпил час назад. Ноги стали ватными — перед глазами плыли красные круги. Отец не удержался и упал на песок.
На короткое время он пришел в себя, почувствовав бок присевшей Акмаи. Из последних сил встал и тут же рухнул на спину верблюдицы. Голова закружилась ещё сильнее, и он потерял сознание.
Солнечный удар был сильным — отец долго выздоравливал. Все это время спасшая его Акмая не сходила со двора, а когда отец появился на пороге дома, радостно бросилась к нему. Отец ласково потрепал за шею Акмаю-инджи и без слов повел живой талисман к колодцу. Наполнив кожаное ведро-гова, он стал бережно поить верблюдицу чистой колодезной водой.
Прошло много лет. Акмая уже не приносила приплода, не давала молока. К тому же она наполовину сточила зубы и почти ослепла. Соседи предлагали избавиться от верблюдицы. Отец с негодованием отвергал такие советы. Многие его не понимали.
К концу жизни отца постигла неизлечимая болезнь. Акмае исполнилось сорок лет. В дни болезни отца она быстро сникла, всё время понуро стояла перед полными яслями и ничего не ела.
Как-то раз отец попросил подвести его к верблюдице. По привычке он ободряюще похлопал её по крупу. Они долго смотрели друг на друга. У Акмаи слезились глаза, но некоторым показалось, что она плакала.
Отец мужественно боролся с недугом. Но (всё предначертано Аллахом!) наступил день, и взошла луна последней его ночи.
Исполнив погребальный обряд на кладбище Гаипмолла, мы собрались домой. И тут мой дядя, Гёки-ага, младший брат отца, заметил вблизи мазара Акмаю. Он направился к ней и, взволнованный чем-то, быстро возвратился со свертком в руке.
Это был намазлык — старенький молитвенный коврик моего отца, чудом оказавшийся у ног Акмаи. Его бережно возложили на могилу

Сары Кульниязова.
Акмая не возвратилась в город.
Рассказывают, что её видел чабан среди барханов в окрестностях Ахчакуймы. Акмая шла на закат солнца. Встречные ветер поднимал над ее головой белоснежный султан чёлки. Она шла по веками проторенной караванной дороге. Шла размашистой рысью – во весь опор, как в юности на скачках…
Больше её никто не видел.

Шахимердан Сары Оглы,
писатель.

Газета «Нейтральный Туркменистан» 2018. Hekaýalar